НИКОЛАЙ КЕЛИН

СТИХИ

II

ПРАГА
1939

НИКОЛАЙ КЕЛИН

СТИХИ

II

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАЗАЧЬЯ СЕМЬЯ

ПРАГА 1939

И эту книгу Дону посвящаю Она тоже создавалась без всяких политических тенденций, отражая лишь своеобразный уклад казачьей жизни, казачьего края и казачьей души.

АВТОР.

Тобою, Край Степей, волнуем,
К твоей полыни я приник...

I. СТЕПНЫЕ ПЕСНИ.

ВНУКАМ.

Много слов крылатых,
Много песен звонких,
Пропою я в жизни
О моих степях.

Пусть внучата знают,
Как в чужой сторонке
Жил их дед в неволе,
Вспоминая шлях

Вдоль широкой сини
Голубого Дона,
И тоску глухую
Сонных деревень,

Где шумят раины
У родного дома,
Осыпая листья
На кривой плетень.

Где в туманном утре
Дней и снов веселых
Пролетела юность
На лихом коне,

Где на колокольнях
В тихих русских селах
Голуби воркуют
В горней вышине.

Там в грозе и буре
Мы ковали славу,
Новым поколеньям
Прорубая путь;

И в дыму пожаров,
Развернувшись в лаву,
Подставляли ветру
Огненную грудь.

Распахнувши ворот,
Чуб из-под фуражки,
Пригибаясь к лукам,
Рвались с гиком в бой;

И сверкали сталью
Дедовские шашки
Над склоненной к гриве
Буйной головой.

Время дум и взлетов,
Время золотое,
Воротись хоть в песнях,
Вылейся стихом —

Пусть мои внучата
Ведают, какое
Билось сердце деда
За родимый Дон.

---

* * *

Я все передумал и взвесил —
Быть может, все миф и обман,
Но сказка о Родине здесь мне,
На раны души, как бальзам.

Что не было, нет и не будет
Того, чем живу я и жил,
И зря лишь болею о чуде,
Что так я в мечтах полюбил.

Но знаю — коль правда сурова,
Коль нет ни конца, ни начал,
Я буду обманывать снова
Себя, потерявши причал.

Я верю, я знаю — так будет:
Приеду, приду, принесут...
Живой, одряхлевшею-ль грудой,
Иль просто распавшийся труп

На Дон, на родное кладбище,
Где вербы седые шумят,
Где небо синее и чище,
Но все же вернусь я назад!!.

———

*
* *

Как вспомню о степи, о ласковом Доне,
О том, что, быть может, ушло навсегда —
Смыкаются зубы, душа захолонет
И в памяти жадной всплывают года.

Года небывалой и лютой погони
По шири, где все ледянила пурга,
Когда на намете храпящие кони
Грудями сбивали лихого врага.

Когда из училищ, забросивши книжки,
На детские плечи врубая погон,
В ряды партизан уходили мальчишки
С проклятыми биться за ласковый Дон.

Прошла, отшумела гроза боевая...
На родине смятой туга и грабеж;
Но мы не забыли родимого Края,
Не пустим из рук коченеющих нож!..

---

*
* *

Если можешь — скорее забудь
Потемневшую в сумерках твердь.
Пулей красных пробитую грудь
Не осилила жадная смерть.

Тучи черные тихо легли
Отдыхать на изломы дорог,
Не шумят по ночам ковыли
Под копытами тысячи ног.

Отшумела лихая гроза,
В чистом поле коню не скакать,
На усталых ресницах слеза
Для тебя, моя старая мать.

Не осилила смерть, а года,
Да неволя, да желтая муть
Раздавили бойцу навсегда
Пулей красных пробитую грудь.

---

* * *

В моей стране, где светит солнце ярко,
Я был давно.
Туда весной летят и лебедь и казарка —
Им суждено.

Но мне в края, приснившиеся в детстве,
Заказан путь!..
Я лишь хочу от Родины в соседстве
Навек заснуть.

Мне только жаль, что не сгорел в пожаре
Ее огня;
А здесь лишь дни скорее душу старят
И жгут меня...

* * *

Дону?
— Дону слава.
Мертвым?
— Тишь могил.
Храбрым?
— Честь и право.
Слабым?
— Больше сил.
Нам?
— Порыв и взлеты.
Им?
— Отмщенья час.
Степи?
— Ширь намета,
Да ковыльный сказ.

*
* *

Как пригонит лава
Отголосков врытых
В душу, в сердце, в память —
Сам хожу не свой.

И уж плачут строчки
О степях забытых,
О минувшей схватке
В сече огневой.

Кто измерить может
Недра океанов,
Кто пробьет к Отчизне
Широченный шлях...

Век шальных набегов,
Век Сары-Азманов
Нам осталось только
Воспевать в стихах.

Вот возьму я гусли,
Гусли золотые,
Напою слезами
Вдоволь струны их;

Капну кровью алой
На слова простые,
И помчится в дали
Сладкозвонный стих:

О реке великой
За семью морями,
О вербовых рощах
У придонских круч,

О земле забытой
Русскими царями,
Где гуляет ветер
Весел и могуч.

Запою о вьюгах,
Что нам песни пели
В год степных походов,
Заметая путь,

И о днях, когда нам
Снежные мятели
Леденили души
И ковали грудь.

Многим мои песни
Ничего не скажут;
Не поймут иные
Их печальный бег;

Но для тех, кто видел
Дымы и пожары,
На глазах убитых
Наметенный снег —

Мои песни будут
Тихою молитвой
За покой ушедших
В светлый, горний рай...

И в часы невзгоды,
Перед новой битвой
Их споет отчизна,
Их споет мой Край!..

---

*
*   *

Ш. Н. Балинову.

Не черные тучи над Салом,
Не ветер с родных Ергеней,
То гости московские валом
Шумят средь полынных степей.

Пришли. Разогнали хатоны,
Побили зайсангов в боях,
И в степи седые нойоны
Ушли на горячих конях.

Аймаки затянуты дымом,
На Край налетела гроза,
Как солью на Маныче стынут
В тревоге степные глаза.

В Задоньи змеятся пожары,
В улусах смятенье и дрожь...
Куда табуны и отары,
Мой друг, из огня уведешь?

Хлебнула Москва от избытка
Хмельного, должно быть, вина;
Пойдет по просторам кибитка
Скрипеть под напев гелюна...

---

*
* *

Я ни Пугач, ни Разин, ни Булавин,
Пою в стихах не тишь да благодать,
И, может быть, я тем и буду славен,
Что к вам веду стихов живую рать.

О той поре, когда над Доном вьюга
Мела снега всему наперекор,
И друг рубил в бою с налета друга,
И сын в отца наганом бил в упор.

О днях, когда ползла по Дону ярость
И краска шла с тревожного лица,
И охватила смертная усталость
Каледина — первейшего бойца.

Когда Богаевский исшел горячей кровью,
Будя народ на подвиг и порыв,
И на Дону всходили пышной новью
Иная жизнь и полых вод разлив.

Когда один, как Божий перст, пред нами
Бросал в пургу восторженных юнцов,
Со всех сторон окруженный врагами
Донской Бова — полковник Чернецов.

---

* * *

Как об алмазе в царственной короне,
Как о мечте, ушедшей навсегда,
Храню в душе все мелочи о Доне —
Их не сотрут бегущие года.

Там детство резвое, забыв в пылу заботы,
Текло в задумчивой тиши седых левад,
На куполах смеялась позолота,
А солнце жаркое сходило в темный сад.

Босым мальчишкой сладко строить бредни
О заграничных строгих городах...
Бывало — май. Идет народ к обедне,
Шумит вода в малиновых садах.

Луи Жаколио, иль Купера под-мышку,
Пригоршню вишен вяленых в карман
И в луг, к реке, мусолить снова книжку
И представлять, как бродит караван

В чужих степях, несказанно чудесных —
Куда красивее всех тех придонских мест,
Где вместо марева миражем бестелесным
Встречает степь разбойничий приезд.

Как хорошо! Ах, как чудесно, право.
Вот так бы тут с разбойниками жить.
Вдыхать самума жгучую отраву
И все идти, идти, идти, идти...

И вот иду проклятым Агасфером —
Двадцатый год в глаза метет самум...
Теперь не то — не Купер мне примером,
А Достоевский в клубе черных дум.

---

*
* *

Тобою, край степей, волнуем,
К твоей полыни я приник...

. . . .
. . . .

Блеск азиатских полнолуний
На остриях казацких пик,

И шорох ласковый ковыли,
И Дона-батюшки разлив
На веки душу протаврили
Красой невиданною нив.

Там по юртам в низовых балках
Колдуют цепкие терны...
Бредут казачки в полушалках,
Донским обычаям верны.

И на заброшенной равнине,
Вдали от выбитых дорог,
Средь буйных трав стоит поныне
Из камня высеченный бог...

18-Й ГОД.

Помню — шептались в чуланах,
Непривычную дрожь пряча от всех,
Голоса ломались странно,
Обмякало тело, в плечах осев.

Страшная оторопь давила души,
Меж лопаток ползла, за воротник;
А сердце в тревоге билось глуше
И лип к гортани сухой язык.

И каждую морщинку на лице друга
Щупали взглядом — а вдруг предаст?..
А за окошком шумела вьюга,
Стеля на землю хрустящий наст...

*
* *

Над яром у станицы
Бушуют провода.
От моря до границы
В Дону кипит вода.

Река кровавой пеной
Покрыла берега;
От края и до края
В степи горят стога.

Пора, пора садиться,
Схватившись за луку,
В седло и за Дон биться
Донскому казаку.

И гикнуть и помчаться
По ветряной пыли,
Чтоб начали качаться
Степные ковыли.

Звенят над Краем песни
Мужичьих буйных толп,
Пришли из Красной Пресни,
Подняли пыли столб.

И все то им тут любо:
И ширь, и гладь полей,
Лишь смоль донского чуба
Туманит пыл очей.

Не в первый раз рубиться,
Крошить врага в муку,
В седле за волю биться
Седому казаку.

*
* *

Далеко, должно быть, граница...
Далеко... но хочется взмыть
В страну изумрудного ситца,
Где Дон бирюзовый бежит.

Закрыли и тучи и дымы
От нас белизну куреней,
Стоят хутора нехранимы
Живою стеной сыновей.

И в шлемах и звездах сверкая
(Какая все чуждая гнусь...),
Как дикие орды Мамая,
На Дон навалилася Русь.

Все о́тняла, смяла, всосала,
Спугнула уют из станиц,
С Медведицы, тонкого Сала
Угнала в Москву кобылиц...

———

*
* *

На донскую отмель волны набегают,
Птицы не щебечут в строгих тополях,
Отзвенели песни в покоренном Крае,
Отшумели ветры буйные в полях.

Ветры! Встаньте бурей; выше гребни волны;
Пусть в шальном разгуле вздыбится река,
Пусть прорежут дали вновь резные челны,
Пусть узнают в мире снова казака.

Край мой бесталанный, край бывалой воли,
Кто твои просторы заковал в броню,
Кто наставил тюрем в старом Диком Поле,
Кто поставил грани вольному коню?..

По шляхам курганы в сумрачных туманах,
Не шумят дубравы у придонских круч,
О мечте великой грозных атаманов
Только плачет небо из бегущих туч.

---

* * *

Дон мой тепловодный,
Дон — отец родной,
Ощетинься рябью,
Зашуми волной.

Вдарь в немую полночь
Валом в берега,
Отгони на север
Лютого врага.

Почему доселе
Там, в тиши ночей,
Плачет над степями
Нежный суховей?

И родных могилок
Вековая жуть
Днем и ночью давит
Раненую грудь...

Опустели гумна,
Молча спят базы,
Утром над толокой
Не скрипят возы...

Люд чужой и вражий
Все извел вконец,
На заре туманной
Не слыхать овец.

Все замолкло в Крае,
Всюду кровь и жуть...
Но пробьем мы к Дону
Снова торный путь.

Зашумят левады,
И сквозь темень туч
Снова над степями
Заиграет луч.

---

* * *

Подтелкову.

Нельзя предать всю суть земли,
Дедами выстраданной тужбы.
И вот над Доном полегли
Рабы степям не нужной дружбы.

У нас всегда свое в крови,
Свои привычки и напевы.
Теперь пойди хватай, лови
Чужую прелесть чуждой Девы.

Москва не Мекка наших дум,
Наш шлях ее дороги режут,
Нам сам Степан под весел шум
На веки врыл зубовый скрежет

При звуке, злящем кровь — мужик,
Расея, баре, воеводы...
Живет века мятежный крик,
Его хранят донские воды!

КУРГАН.

Я выйду с тобой на дорогу
В широкую, лунную степь —
Там тихо, как в горнице Бога,
И хочется песню запеть.

Так слушай! То было когда то,
Гремели над Доном мечи,
Палаш на московские латы,
Стуча, опускался в ночи.

Вон видишь?.. За сизым туманом
Синеет высокий курган —
Должно быть, сражен басурманом,
В нем спит удалой атаман.

Не сгнили казачие кости,
Не тронут убор боевой...
Коль на Дон незванные гости
Придут и завяжется бой —

Курган распадется на части,
Раздвинется, вздрогнет, и в нем,
Почуя беду и напасти,
Засветятся очи огнем.

И вздрогнут далекие сини,
И свист по полям полетит
В простор, в помертвевшие стыни
В степной, азиатский зенит.

И в далях пойдут переливы,
По балкам закружится лист —
То кони чрез топи и нивы
Летят на разбойничий свист.

И рвутся, и вьются, и скачут —
Пригнулись к земле ковыли,
То сил легионы казачьих
Встают из родимой земли.

И вдруг из кургана восстанет
Степная гроза — Атаман;
И трепет во вражеском стане,
И крики в рядах северян.

ДОНУ.

Где ты, Земля моя,
Никем не воспетая?..
О тебе душой скорбя,
Коплю приметы я.

Вяжу слова в стихи,
Песней расплескиваюсь,
Синие васильки
Позабыть боюсь.

*
* *

Тебе все думы, Дон родимый,
И мой восторженный поклон,
След на душе неизгладимый
Оставил шум твоих знамен,

Когда мы все, кончая дедом,
Седым, но быстрым, как стрела,
Навстречу мчалися победам,
Коней запарив до-бела;

Когда врага мы не считали —
Нам было все равно — вперед!
За Край Родной!.. Из гибкой стали
Легенды Дон себе кует.

Родимый Край степей ковыльных,
Отважной вольницы оплот,
Гнездо мятежных, гордых, сильных —
Люблю тебя и твой народ!

*
*   *

Мы помним времена, когда на поле славы
Был страшен грозный гик мятущихся донцов,
Когда под шум знамен ходили наши лавы
Спасать ненужный хлам запуганных дворцов.

Мы берегли, как перл, одну свою свободу,
Как коршуны в бою бросались на врагов,
Посмевших замутить донскую нашу воду,
Топтать тугой камыш родимых берегов.

Мы не пошли в Москву искать ее защиты,
Когда средь бранных бурь нам было тяжело,
Не помнят искони палат кремлевских плиты
Склоненное к земле чубатое чело...

---

*
*   *

П. Х. П.

Люби казак донскую степь,
Храни чекмень от моли,
Сплетай тоску в тугую плеть,
Остри мечту о воле.

Кто в битвах за Дон молча пал,
Кто блюл законы Круга,
Кто с Харитонычем за Сал
Ходил в снега и вьюгу —

Не умер тот и не умрет,
Пока отчизна дышет;
Донской измученный народ
Его в сердцах запишет.

---

*
* *

Татарские орды в набегах могучих
Веками таранили Русь...
Коням светлогривым их полчищ летучих
Сыграть мои песни берусь.

О, кони! Любимцы веселых набегов,
Буланые други мои,
Вам сердца казачьего теплая нега
И звонкие песни мои.

На вас легендарный и хмурый Атилла
И мудрый герой Тамерлан
Из недр азиатских до желтого Нила
Возили к себе полонян.

На вас покоряли за царствами царство
И грани земель берегли;
И вы не предали — в вас нету коварства,
Но все вы в боях полегли.

Все судьбы казачьи сплетались с вами...
От красной Москвы до границ,
Над вами шумели ветра бунчуками
И выли пожары станиц.

Не вам ли средь буйного Дикого Поля
Мы грозный насыпем курган,
На вас возродится казачая воля —
Вы наш вековой талисман.

---

* * *

В ратном поле тихо,
В бранном поле мгла,
Вся казачья сила
За Дон полегла.

Спят по-над дорогой
Тучи да кресты,
Край залит тревогой,
Хутора пусты.

Треплет ветер ставень,
Сбитую с петель;
Все, чем Дон был славен,
Замела мятель.

Взвейтесь тучи выше,
Встань казачья рать!
Дон не будет бывшим —
Будет воевать!!!...

СТАРАЯ ПЕСНЯ.

Моя подруга — шашка острая,
А друг — лихой казачий конь,
Да в степь донскую стежка пестрая,
Где пыль столбами от погонь.

Киргиз иль турок повстречается
Аркан с луки срываю вмиг
И посвист дикий разливается
Из губ обветренных моих.

Сожму бока коня горячего
И сразу вихрь на встречу мне —
Житья вольнее нет казачьего
В степной, далекой стороне...

*
* *

И. П. Вихлянцеву.

Мы гутарим частенько с Петровичем
О житье, о бытье, о былом...
Дело было, мне помнится, под вечер
В его комнате за столом.

Говорит мне Иван, усмехаючись:
Ну и жизнь же в мужицкой стране —
Не проедет служивый играючись,
На лихом, строевом скакуне.

Небо чахлое на землю мочится,
Тут и дождь не такой, как у нас;
Помирать за-границей не хочется
Без любимых казачьих лампас...

Не горюй, старина, все изменится,
Не тужи по сукну шаровар,
Снова наше цымлянское вспенится
И зажжет в нас кипучий пожар.

———

* * *

И. К.

Ты опять пришел в воспоминаньях...
Но и ты уж тронут холодком.
Замолчавшей болью расставанья
Мне напомнил снова о былом...

Где те годы юности крылатой,
Что дождями вешними прошли,
И шумят ли за родимой хатой,
Как когда то наши ковыли.

Милый друг! А годы улетают...
Улетают годы, милый друг;
Но не ближе мы к родному краю,
Все тесней сжимающий нас круг.

Если можешь — верь! А я не верю боле
Сердце чуткое подернулось ледком...
Даже петь о старом Диком Поле
Мне мешает подступивший к горлу ком.

---

* * *

Когда над Доном ходят волны,
Вздымая пену и клубясь,
Когда летят качаясь челны,
Бортами лихо накренясь;

Когда шумит ковыль пред бурей,
Как бы живой, насторожась,
И молнии в степной лазури
Дрожат, ломаясь и дробясь;

Когда восточный ветер прянет
В разгоряченное лицо
И гром из туч над гребнем грянет
Многоголосым бубенцом;

Когда с толок потянет горьким
Полынным запахом степей
И по лазоревым пригоркам
Пахнет родимый суховей —

Тогда, поднявши очи к небу,
Я говорю: Великий Бог!
О, как я рад, как нищий хлебу,
Что я сподобился, что мог

Увидеть все угодья эти
И все в душе запечатлеть,
Чтоб детям страшных лихолетий
О красоте Отчизны петь!..

II. РУСЬ УШЕДШАЯ.

*
* *

Я зорко слежу за изломом
На теле Великой Страны,
Но мне ли, болящему домом,
Решенья судьбою даны.

Не знаю, какой перекресток
Мне встретится в скором пути,
Но чую — ломается мостик,
Который хочу перейти.

Во мне все натянуто болью
О сгубленных душах в боях;
В мечтах я плыву по Заполью
На выдуманных кораблях.

Но будет ли солнце и степи,
Но хватит ли сил ожидать,
Когда приютит нас и встретит
Воскресшая Родина-мать?..

———

* * *

С тех пор, как Русь в жару багровом,
Хрипя, зачала от греха —
Хожу в чужбине очарован
Звенящей музыкой стиха.

И льется боль, строками пенясь
В ряды размеренные строф,
И я в плену молюсь о плене,
Сковавшем вольность хуторов.

Молюсь я рифмой и размером
О красоте сгоревших сел,
И не слабеет моя вера,
С которой я сюда пришел.

Я знаю — искус будет долог
И тяжек час эпитимьи —
Но что я в мире — лишь осколок
Большой и страждущей семьи.

Утихнет боль. Уйдут в столетья
Неповторимые года,
От нас и крови лихолетья
Нигде не будет и следа;

Но просветленная Россия
Опять коснется всех морей
И по церквам среди полей
Затеплит свечи восковые...

———

* * *

Не разлюбил тебя я, Русь,
Единственную в целом свете.
Твоим страданиям молюсь,
Не виданным на сей планете.

О, наша бедная земля!
Юдоль не смытая слезами,
Не мы-ль родного корабля
Вздыбили бег, не мы ли сами?

Ты вот раскинулась, как пласт,
В больном бреду купая ночи...
В моей глуши, который раз,
Я отводил от милой очи...

Но как бойцу не суждено
Забыть доспех последней сечи,
Так мне осталось лишь одно —
Любить до гроба сладость речи

Родной земли и ей дышать,
Идя по взгорьям и долинам
Чужих земель. Россия-мать,
Прими хоть прах больного сына!

---

*
*   *

Нам в детстве снились ласковые страны,
У взморья всплеск и мачты кораблей,
В сухих песках под солнцем караваны
И на лагунах крики лебедей.

И поездов пронзительные стрелы,
В густом пару бегущие на юг,
Средь наших зим нам сладко песни пели,
А их гудки ласкали нежно слух.

И все хотелось сняться легкой птицей
С родных степей и ринуться туда,
Где бродит лев с прожорливою львицей,
Куда бегут, качаясь, поезда.

На край земли, в ленивый плен Аллаха,
В узорный стан наездников пустынь,
Где кровь — вода, где царство падишаха,
А над страной взывает муэдзин.

Нам снились часто иглы минаретов
И синь морей, и знойный Тегеран;
Казалось нам, что нет конца у света,
Что краше нет заморских южных стран.

Ах, почему теперь еще не детство?..
Сбылись все сны, а жизнь бежит в закат...
Где мне найти таинственное средство,
Чтобы вернуть хоть пару лет назад...

РУСЬ.

Издревле исканья да муки,
Глухая тоска да разбой,
Иль к небу воздетые руки,
Иль свист над широкой страной.

То гик уморительной пляски
Над судоржным хаосом плеч,
То подвиг ненужный и тяжкий
С сумой переметной оплечь.

В мерцаньи скупого рассвета
Косматая изморозь крыш,
Да омутов китежных где то
Зовущая водная тишь.

Дремала страна в половодьи
Заброшенных в дебри скитов,
И тлели по недрам угодья
В тиши неоглядных лесов.

В сердцах Кудеяры иль вера,
Во всем Ерусланова стать,
В шинелишке рваной и серой
Шла Русь на полях умирать.

А дома лачуги да каша,
Да тучи вихрастых ребят.
О, Родина, скудная наша,
Вернусь ли к тебе я назад?..

КОРНИЛОВ.

Все чаще мне снятся кубанские степи,
Где стужа зарю до красна накалила,
В холодном и мутном февральском рассвете
Идет по снегам легендарный Корнилов.

Ветрами овеянный целого света,
Сухой и упругий, которые сутки
Вперед без дорог, без любви и привета,
В барашком подбитом простом полушубке.

В руке ни винтовки, ни шашки, ни карты,
Лишь трость да отвага, Георгий в петлице,
Его не сломили ни хмурые сарты,
Ни Быхов, ни плен одинокой темницы.

Что-ж Пенза, Саратов, Москва иль Калуга
Не слышат, не видят, вздымая стихию,
Бойца-командира, заветного друга,
Идущего на смерть за них и Россию...

---

*
* *

Славяне?.. Так вот она правда!
Кто нас до небес превознес,
Когда на фуражках кокарду
Имперскую с армией нес

Солдат по лесистым Карпатам,
Гудя миллионной ордой,
И пушек российских раскаты
Ползли по горам чередой.

Был дорог и мил богоносец:
«Россия! Святая страна,
Не выдашь, согнешь и покосишь,
Пройдешь, как зубьем борона»!

. . . . . .
. . . . . .

Погнулася дюжая сила,
Заглох хлебосольный уют...
Остригла Самсона Далила,
Друзья ненавидят и бьют...

*
* *

Извилист путь и грозен час
Страны, закутанной в туманы...
Сожгли огнем горючим нас,
Над Русью вставшие тираны.

Но в нас горит святой огонь
Некрасовской мятежной крови,
Мы не устали от погонь,
В крутой зигзаг сомкнувши брови.

Нам не забыть своей Реки,
И нами брошенные степи —
Сомкнут опять ряды полки
На рубеже лихих столетий!..

---

*
* *

Их брали тысячами в плен
И на морозе раздевали,
На лицах их я видел тлен,
И очи, полные печали.

Как стадо загнанных зверей,
Метались эти люди-тени,
Под тяжкий рокот батарей
Дрожали зыбкие колени.

И я на них глядел сквозь явь
Морозных сумерек России,
И думал — Боже, не оставь
Детей своих в часы глухие.

---

* * *

Серым . . .

Шинели... шинели... шинели...
Кто их не носил — не поймет,
Ни жуть леденящей мятели,
Ни мук за сермяжный народ.

Полки за полками в туманах,
Ни лиц, ни орлиных очей,
Костры до утра на полянах
Средь мутных, бессонных ночей.

Они проходили без звука,
Под ливни невидимых слез,
В них мощи родимой порука,
Им души не выжег мороз.

Ни крика, ни вздоха, ни жалоб,
Покорный, заученный шаг...
На них, вот на этих лежала
И Русь и трехцветный наш флаг.

* * *

Нахмурилось синее море,
Насупилась страшная высь,
С мятежными бурями споря,
Валы набегают на мыс.

Качают тяжелые волны
В изгнанье бегущую Русь...
На Север тревогою полный
Едва ли когда я вернусь.

Вдали ни любви, ни привета...
На встречу лихая судьба.
Пойдет по широкому свету,
Как встарь, бедовать голытьба.

Раскинет шатры на задворках
Холодных, чужих городов,
И будет упорно и зорко
Следить за врагом из углов.

В смердящих потемках подвалов
Прольет свою терпкую грусть,
И вспомнит, как скупо и мало
Она берегла свою Русь...

«20-я ГОДОВЩИНА».

По-прежнему во двор прокралась осень.
Двадцатая по счету — Божий Суд.
Прошла по деревам, не тронув только сосен,
И набросала меди в сонный пруд.

Все думалось — последняя, быть может...
Ведь там Страна в разливе и огне,
Вздымая грудь, меняя дух и кожу,
Летит вперед на взмыленном коне.

А молодежь? Иное поколенье
В бодрящем вихре твердо держит шаг.
Все как во сне — и этот взлет и пенье,
И все закрывший ярко-красный флаг...

Нет, нет! Не упаду, не сдамся скоро!
Но вот беда — ползет на плечи тлен.
Хочу дожить, хочу увидеть пору
Иных людей, иную поступь смен!

———

* * *

Грозы, громы, бури, тучи,
Смерчи, вихри, снег колючий,
Все над Родиной больною
Виснет, стынет и дрожит.

Боль сильнее, стоны глуше
На морях, на бурной суше
Перекатною волною
Бьет в пылающий зенит.

Непривычно, страшно, больно,
В уши отзвук колокольный
Рвется, бьется в исступленьи
И ножами режет грудь.

Кто посмел открыть заторы,
Развернуть леса и горы,
Чье прощенье и моленье
Освятит кровавый путь...

---

*
* *

Под вечер вновь за нашими садами
Глядится небо огненное в пруд,
Там облака волнистыми стадами,
Как в сказке лебеди осенние плывут.

Там камыши, тая в себе тревогу,
Под ветерком струятся и шуршат,
А синь небес, моляся на ночь Богу,
Купает в заводи карминовый закат.

Такой тиши, такой печали сладкой
Я никогда не видел и нигде,
Когда верба стыдливая украдкой
Чуть водит веточкой зеленой по воде.

---

*
* *

Темна уму, но так понятна сердцу
В глухой тоске звенящая Страна.
Какой тиран над нею правит зверство
И топчет в грязь святые имена?..

Казалось все — лишь шаг, а там обрыва
Немая глубь — коротенький вершок...
В стране, где лучшая иссякла нива,
Где урожай веков размолот в порошок.

И по ветру развеян, как пустяк —
Страна живет, наращивает формы,
Вновь одевает в плоть обглоданный костяк,
И держит шаг широкий и проворный...

---

*
* *

Родная персть, тебя-ль забыть,
В чужбинах дни купая в тине...
Летят года, а жизнь горит,
Как гроздья красные калины.

Тебя изрыли сошники
Твоих орудий и окопы,
Когда к тебе большевики
В гудящем шуме били тропы.

И горсть восторженных и злых,
Напору толп подставив груди,
Хранили Дон от полчищ их,
Хрипя в дыму, моля о чуде.

И затаив свой алчный дух,
Весь мир замолк, тая надежды,
Что нас раздавят в прах и пух,
Что Русь сама себя зарежет.

Но мы не сдались, мы ушли.
Копить под чуждым небом силы;
За счастье брошенной земли
Мы будем биться до могилы.

---

*
* *

Зачем нам нужен Маркс и Ленин,
Куда завел нас буйный бред,
Кто Русь поставил на колени
На много долгих, мрачных лет?..

У нас разгул и буйность воли
Таились в медленной крови;
Не нам ли песни пели в поле,
На юг стремяся, журавли.

И было тихо в теплых хатах,
И зрела рожь, склоняясь ниц,
Жила страна хоть не богато
В мерцаньи ласковых божниц...

Но нам ли нужны были бури,
Когда кругом такой простор?
На нас седые брови хмурит
Высокий Бог с небесных гор...

---

* * *

От старой, памятной земли,
Которую люблю и помню,
Остались разве только мы,
Плененные тоской и сонью.

И в душах сломанных храня
Музейный прах былого века,
Мы не поймем ни ход коня,
Ни шах, ни мат, что человека

С доски сбивают навсегда!
О, эти странные года,
Когда родное ликом чуждым
Оборотясь, уходит вдаль,

И мы, глухие и тьме и нуждам,
Обидой злой крепя печаль,
Шагаем молча через трупы
Своих несбывшихся надежд...

А там, под ропот Русской смуты,
Последний жребий у одежд,
Огромной, страждущей Страны
Бросают русские же люди!..

———

*
* *

Страшась, тянусь к ней издалека
И ненавидя, я люблю,
Но тенью дерзкого упрека
Не брошу в Родину мою.

Пусть Русь кипит в кровавой пене,
Пусть нас тяжелый, мутный вал
Столкнул на новые ступени,
Пути иные указал.

Я узнаю в шальном разгуле
Ее, сорвавшую узду,
Есть что то близкое в том гуле,
Зажегшем новую звезду...

Россия... Слова нет дороже
Для нас, оторванных от ней;
Тяжел наш путь средь бездорожий,
Без сил, надежд и без огней.

РУСЬ.

Средь широкой Сарматской равнины,
Где ковались и пелись былины,
Где кочевий не стерты следы
Одичавшей в набегах орды,

Где крутой, голубой небосвод
Опрокинулся в зеркало вод,
Где застыли седые курганы,
Где зимой лишь пурга да бураны —

Там убогая Русь народилась,
Там впервые росла и рубилась,
Средь широкой Сарматской равнины
Нам ковала и пела былины...

РОДИНА.

Пока я жив, я буду мучить память
Воспоминанием о дальних хуторах,
Не уроню мое святое знамя,
Не опущу трехцветный русский флаг.

Всю боль души в стихи мои влагая,
Я ими Родине покинутой молюсь...
Ведь, Боже мой, светлее радуг мая
Во мне живет святое слово Русь.

Я за нее согласен унижаться,
Прощать врагов и проклинать друзей —
Не побоюсь в Европе русским зваться
И не продам простор родных полей.

Но память слабая уже теряет силы,
Тускнеет зеркало души моей сильней,
Бегут года, а край Отчизны милой
Несется в темь, как стая лебедей.

---

*
* *

Я видел, как оскалив жадно зубы,
Ворвалась к нам голодная орда,
И их вожак, взлохмаченный и грубый,
Вдруг натянул пред домом повода.

Влетели в дом, обшарили все щели,
Отца срубили шашкой на ходу,
Потом за хутором орали и шумели
И что то страшно ухало в саду.

Война! Война!.. И с кем, о, Боже правый!
Века отцы рубились у границ...
Лежат в пыли вскопыченные травы,
А казаков угнали из станиц...

В Краю, где все дышало благодатью,
Где в синь воды гляделись тополя,
Теперь не то — там серой, хмурой ратью
Молчат, насупившись, колхозные поля...

———

III. ИЗГНАНЬЕ.

ПИСЬМО ИЗ ДОМА.

Ну, как тут уснуть, прочитав
Такие вот новости в ночь...
На стол головою припав,
Я даже и плакать не вмочь.

Всю ночь напролет, до утра
Не сплю — одолела печаль:
Мне из Дому пишет сестра
Про дом и забытую даль.

Что там у спокойной реки
В станицах кизечный дымок,
Как прежде стоят ветряки
На грани сожженных толок.

Что нас позабыли совсем
И песен донских не поют,
И в трещины дедовских стен
Ушел невозвратно уют.

Что сад наш заглох и зарос,
Погнулся наш старенький дом,
И клумбы любимых мной роз
Давно заросли бурьяном.

А мною посаженный вяз
Срубила сестра на дрова,
Стоит разгороженным баз
И двор заглушила трава.

С тех пор, как отца увели
И умерли бабка и дед,
Все весна для них отцвели
От холода, страха и бед.

Но, как им отсюда помочь —
Письмом не убавишь их мук,
Изгнанья тоскливая ночь
Всю выпила силу из рук.

Повис по-над Доном туман...
Вернусь ли в родимую даль?
Тоской и неволею пьян,
Я чую — едва ли... едва-ль.

5-е ПИСЬМО И. К.

Ванятка, друг, какая к чорту сила
Тебя умчала в этакую даль,
Мне без тебя на все глядеть постыло
И выливать в стихах мою печаль.

Вот, если б ты, брат, был хоть чуть поближе,
Я заглянул к тебе бы вечерком,
Когда тоска по дому сердце лижет
Своим шершавым, острым языком.

Все в жизни так — ни ладу и ни складу,
Что ближе всех, то в даль умчится вдруг,
К чему душа стремилась до упаду,
Разрыл шутя разлуки долгой плуг.

Гляжу вокруг — со всех сторон туманы
Нас обступили тесною толпой.
Но вот беда — болят все больше раны,
А дни бредут, как скот на водопой.

Сложилась жизнь ни шатко и ни валко.
Хочу творить, но есть ли в этом толк?
Сама судьба в колеса ставит палки,
А мир вокруг оскалился, как волк.

Сегодня день... А завтра, может, нету —
Такой афронт нам выпал на роду.
Да, да. — Ведь завтра, может быть, по свету
Меня потянет горе в поводу.

Вот и живи, лови переспективы.
Вся жизнь стоит, как будто на песке.
Ну, коли правда — все же я счастливый:
Не я один повис на волоске.

Вчера проскреб всего я Полякова.
Горит, чудак, лазоревым огнем.
Но ничего в стихах его не ново —
На всех парах склоняет слово Дон.

Нет, не в укор или во осужденье
Пишу о нем, задумавшись всерьез.
Мы дать должны иное поколенью:
Чеканный стих, рожденный в вихре гроз.

Мне кажется — поэмы слишком длинны,
Теперь пора ударных дел и слов.
Стихи Павла певучи, стройны, чинны,
Но вряд ли, брат, разбудят казаков.

Но ничего. Талантлив наш Сергеич.
Такого эпоса давно я не читал.
Зерно ядреное для внуков Павел сеет;
Его прочтет запоем стар и мал.

А ты? Заглох над планом, горбя спину,
Мелиорацию разводишь по складам.
Наплюй на все — возьми такси-машину
И прилети наметом в гости к нам.

С тобою легче горести и боли
Мы разведем, зажав тоску в кулак.
Решай скорей об этом, Ваня, что ли,
Я без тебя живу ни так, ни сяк.

Хирею, брат, в искусственных пенатах.
Про Дон почти что стал я забывать —
Ведь на душе заплата на заплате
И нечем мне опять ее латать.

За часом час, за днями дни и годы
Бегут, гремя, в неведомую даль...
Хожу на кладбище, выглядываю своды,
Куда со мной снесут мою печаль.

Так приезжай! Ишь, невидаль какая —
На трое суток бросить твой уряд.
Тряхнем бытьем от края и до края,
А я тебе, как брату, буду рад!..

---

*
* *

На заре моих сумрачных лет
Закружил меня бешеный смерч.
Мне в отчизне — лишь волчий билет,
На чужбине — холодная смерть.

На лице моем кровь и песок,
На душе — пустота и туман.
Только пулей в горячий висок
Можно сердце избавить от ран.

---

* * *

Мамаша, пиши... иль усталость
Легла на слепые глаза?..
Я знаю — ведь много осталось
Тебе обо всем рассказать:

Как молишься в темном чулане
О том, чтоб забылась пора,
Когда в предрассветном тумане
Я в бой уходил со двора;

О том, как шумела погода,
Сметая привычную жисть
В ветрах ледяного похода
Губя и сжимая корысть;

О том, что теперь на исходе
Нерадостной жизни твоей
Старухой потерянной бродишь
Среди равнодушных людей.

Мамаша, пиши...

---

*
* *

Какая странная судьба —
Нести двадцатый год, как в ране,
Немую боль, и все года
Бродить в давящем грудь тумане.

Душой болеть за отчий дом,
За тихий шелест рощ вербовых,
За край, где рос, где плещет Дон
Волну средь зарослей таловых.

Устал я жить в чужом краю,
Нет сил любить чужие дали,
Опять на Родину мою
Вернусь когда либо едва ли.

Нет! Не вернусь я в отчий дом —
В нем никого уж не осталось...
Как над заржавленным прудом,
Шумит в душе моей усталость...

---

*
* *

От пустой и ненужной земли
Увожу я мои корабли
В царство грез на широкий простор,
Где покой мой не выкрадет вор.

В этом мире обмана и лжи
Жаль покинуть лишь шопоты ржи...
А иные подарки земли
Не возьмут вдаль мои корабли.

Знаю — смерть моя тут на плече,
Знаю — в этой я жизни ничей,
Знаю — путь одинок и суров
Средь людей и высоких миров.

---

*
* *

Сионе Божий, открой мне двери
Твоих просторов, твоих высот;
Избавь меня от всех неверий
И боли тяжкой за мой народ.

Послушай, правый, высокий Боже,
Устал искать я верный путь...
Средь тьмы земной, средь бездорожий
Мне так бы надо отдохнуть.

Ведь жизнь, как искра: мелькнет и гаснет,
А путь далек и мир велик...
В стране моей лишь кровь да казни,
Да искаженный скорбью лик.

---

*
* *

Друзья, друзья! Какая в сердце жалость,
Чем оправдать ушедший в лету день?
В рассвете лет смертельная усталость
На нас легла, как мертвенная тень.

Таких ведь бурь, такого вихря скрежет
В тысячелетия иным не услыхать;
Над нами свет эпох суровых брезжит,
О нас потомки будут вспоминать.

Сметая пыль с истлевших фолиантов,
В недоумении историки прочтут
О страшной спячке белых эмигрантов,
И нас, пожалуй, просто не поймут.

Кипит война на севере далеком,
Двадцатый год не мирится Страна...
Нет! Не дано прозреть нам вещим оком,
Что враг один, что цель у нас одна!..

———

*
* *

2-е ПИСЬМО И. К.

Опять пишу, аж страшно вчуже,
Не утерплю — свидетель Бог.
Люблю души твоей, мой друже,
Касаться пальцами стихов.

Ты вот умолк, а я нисколько.
Забросив все мои дела
Под стол в плетеную кошолку,
Калю мой стих я до бела.

И пусть несет в просторы муза
Мой вопль о сгубленной судьбе;
Но чую, Ваня, сок арбуза
Опять стечет по бороде.

Опять нардеком смазав хари,
Донская наша детвора
Охлюпкой в степь родную вдарит,
Наметом взявши со двора.

А мы с тобой, Ванятка, станем
Хрычами старыми, как пень,
На нас захлопает ставнями
Наш покосившийся курень.

И будем мы, сев у оконца,
(Хоть этим, брат, себя утешь)
Сосать ирян, подставив солнцу
Чужбины видевшую плешь...

*
* *

Оглянусь — опускаются руки...
Доживу-ль — эта мысль, как огонь...
Стынет сердце от долгой разлуки,
Слабнут ноги от вечных погонь...

Лечь под холмик на-век на чужбине,
Раствориться в тени голубой,
И в холодной и пасмурной стыни
Изойти неживою землей...

Нет! Не этот мне жребий готовил
Мой покойный, заботливый дед...
Слишком много мной видано крови,
Слишком мало мной прожито лет!

———

*
* *

К моей фотографии.

Как странно и больно мне видеть
В жерелке и шляпе донца,
Что с детства привык ненавидеть,
И что не люблю без конца.

И к воле и ветру привычный
Помадой прилизанный чуб,
И взор безнадежно поникший,
И вялую складку у губ.

———

*
* *

Сказал мне, хмурясь, Азраил,
Доспех с себя снимая бранный,
Что был средь близких мне могил,
В стране далекой и желанной.

Стоят могилы без крестов,
Понуры, тихи, величавы —
Ногами грубыми врагов
На них помяты дерн и травы.

Над ними кружится мятель,
В холодный саван одевая;
Веками согнутую ель,
Седыми лапами качая.

Тропы к погосту заросли
И мертвых тихое жилище
Среди разрушенной земли
Никто из близких не отыщет.

*
* *

И. К.

Ты рвешься в высь — тебе и крылья
Твоей душе полет и пыл;
И щит, увитый чернобылью,
И звон малиновый удил.

Тебя несет поток суровый
По воле злой чужих ветрил,
Но твой огонь, живой и новый,
Еще никто не угасил.

Я весь с тобой за благо внуков,
За наш обычай и завет.
Наш Край стряхнет башибузуков
И злой Москвы загладит след.

Дон не такие видел казни
И не такую рушил крепь,
Но все сносила без боязни
Свободой кованная Степь.

———

*
* *

Вернемся! Не важно, коль стынем
Пока в неприветной дали,
Но помним и верим поныне
В размах неостывшей земли.

Кипят и клокочут потоки
Пролитой крови за Присуд,
И близятся скорые сроки,
Когда над отчизной забьют

Гремучих набатов призывы
На бой и борьбу за народ,
И пó-ветру конские гривы
Опять понесет ветерок.

---

*
* *

11.XII.1937. К.М.Б.

Сегодня умер... Не осознать...
Ему лишь было тридцать шесть —
Из них девятнадцать Родину ждать,
Чтоб на двадцатом отцвесть...

Но почему он — спортсмен, плечистый,
В голубые глаза вобрал смерть?
Не ему ль, улыбаясь в поле чистом,
О далекой отчизне шептала твердь?

Наверно чуяло сердце,
Обростая шипами разлук,
Накрепко... навек закрытую дверцу
Лет ожиданий и мук...

---

* * *

Хоть углом бы глаза
Поглядеть мне на Дон,
Тучкой золотистой
Пролететь над ним.

Но судьбой иной был
Путь мне предугадан:
Тлеть вдали от дома
Средь чужих равнин.

Дочь степей цыганка
Мне бросала карты;
Долго причитая,
Вглядывалась в них.

Видишь? — прошипела,
Будет в жизни жарко,
Грянет гром из тучи
В синях голубых!

Буду-ль верить картам,
Смуглая цыганка, —
Рассмеявшись громко,
Ей я отвечал;

Но в душе уж ныла
Крохотная ранка:
Чем не шутит дьявол,
Крепок ли причал?

И теперь я вспомнил:
Вечер, синь тумана,
Карты, шопот тихий,
Ворожбу и смех;

Предо мной проходят
Люди, царства, страны...
С той поры ищу я
В степь пропавший след.

IV. БОЛЬ.

*
* *

Судьба, судьба! По Родине веселой
Я проскакал на розовом коне,
Навстречу мне смеялись звонко села
И вербы ласково шептали сказки мне.

И думал ли, на стремя Дона глядя,
Что вижу там в последний раз закат,
Когда над синью дедовского сада
Дымилась твердь от дальних канонад.

И как спеша, дрожащими руками
Меня крестила на дорогу мать,
А от границ, как туча, поднималась
С кровавым стягом вражеская рать.

Кого винить, коль юность пролетела,
Как страшный сон, ломаясь и дрожа,
И коль в боях сгорело наше тело
И души выжег бешеный пожар.

И кто нас знал? Кто знал, как мало весен
Для нас цвело в бушующей Стране?...
Не от того-ль родного неба просинь
Так глубоко запала в сердце мне?..

———

*
* *

Ах, разве Родину из сердца можно вынуть,
Забыть дымок порхающих кадил,
Дьячка на клиросе гнусящего по чину
И всплески дальних голубиных крыл?

Далекий благовест за белою горою,
И на скале забытый монастырь,
Где жизнь текла века по Домострою
И вкруг полей несзженную ширь.

Недаром я родился в прошлом веке...
Двадцатый мне все как то невдомек.
Бывало, встарь, струились медом реки
И Дон бежал спокоен и широк.

Цвела страна, застыв в степных миражах,
Шумели бури где то вдалеке,
А по полям серебряная пряжа
Неслась, дрожа, на легком ветерке.

И было сладко, радостно и вольно
Бродить в тиши задумчивых левад.
За то теперь вдвойне бывает больно,
Что ничего нельзя вернуть назад.

---

* * *

Забыть ли в белесом рассвете
Мою помертвевшую мать...
И можно-ль кому на планете
Об этом без слез рассказать...

Казался неправдой и ложью
Над Родиной вздыбленный вал,
И голос наполненный дрожью,
И смерти холодный оскал.

И дед в пиджачишке убогом,
И конь у родного крыльца,
И дальняя эта дорога,
И тень дорогого лица.

Как будто вчера это было —
И спешка, и сборы в поход...
Мы отдали все, что нам мило,
Тебе, восемнадцатый год.

---

* * *

На рецензию в „Казачьем Голосе“.

Не трогайте пальцами душу —
Ведь рана на сердце свежа;
Сомненья и думы иссушат
И грудь разорвут без ножа.

В тоску и разлады погружен,
Молюсь за Россию и Дон.
Я знаю, что русским не нужен,
Но Дону, пожалуй, нужен.

Я болью насквозь изузорен
За взятый уют куреней;
Не верен мой путь и не торен —
Но может ли быть он прямей?

Я мучусь за дали и степи
Единой желанной земли,
И песни кровавые эти,
Как терпкие слезы любви

Сжигают меня и калечат,
Тревожат уставшую грудь...
Кто раны больные залечит,
Кто верой осветит мой путь?

———

*
* *

О, друг, приди и сердце злое
Рукою ласковой погладь;
Я чую — мчится роковое
Меня низринуть и сломать.

Шумит над нами ветер снежный,
Мятет пурга и рвет буран,
А мир широкий и безбрежный
Кипит, как тяжкий океан.

Я говорю — ну, чтож, дотянем
Мы до могилы как нибудь,
И, может быть, в холодной яме
Нам смерть прервет бесцельный путь.

Но мир коварный и жестокий,
Но мир бездушья зла и лжи,
Какие дни, какие сроки
Под солнцем будет лгать и жить?..

---

*
* *

Исцелюсь от всех недугов,
Поголубею в полях вновь,
Утомила вечная вьюга
Неугомонно-алую кровь.

Научусь молиться снова...
Позабытых молитв жуть
С языка слететь готова,
Осветить мой темный путь.

Впереди желтая осень
Шевелит неживую медь,
В синем сумраке хмурых сосен
Не хочу, как зверь, умереть.

Буду снова молиться травам,
Солнцу, небу, воде...
Ты простишь мне, Боже правый,
Но ведь Ты во всем, везде...

---

*
* *

Да! Дон ни предать, ни забыть
Не в силах, в ком с роду до гроба
Натянута крепкая нить
К приволью степного народа.

Россия?.. Россия — одно...
Но в сторону Дон не положишь!..
Ах, сердце, ты степью полно;
Вместишь ли их оба?.. Не можешь?

Былые друзья не поймут
Вот этой стремительной боли,
Вот этих невидимых пут,
И сладость раскованной воли.

. . . .
. . . .

Пусть грешен и путаю путь...
Да я ли один в тупике?..
О, Дон голубой, не забудь
О верном тебе казаке!

———

АТАМАН-ПЕЧАЛЬ.

А. М. Каледину.

О чем ты думал, Атаман?..
О ком твоя душа болела?
Когда с степей сошел туман
И ночь в глаза твои глядела...

Был тяжек, безысходен час
Последнего с собой разлада,
И ты решил за Дон и нас...
И ты поверил — так вот надо:

Нажать курок, порвав с землей,
Окончить жизнь на благо внуков...
И вот теперь, как часовой,
Стоит в сердцах с тобой разлука.

С тех пор прошло не мало лет,
Но ты, как совесть перед нами;
И ни один донской поэт
Тобой болеть не перестанет.

О, Атаман! Забудь наш грех,
И малодушье, и измену...
Мы твердо помним красный смех,
Мы для тебя готовим смену.

О, Атаман-Печаль, прости.
Я знаю — тяжек час разлуки —
Тебя достойные расти
В Донской земле начали внуки.

---

* * *

Мечту на копья приподняв,
Густыми толпами клубясь,
На Тихий Дон под шорох трав
Потоком бурным Русь влилась.

За океаны и моря
Нас нес веселый ураган,
А в мутной мгле пожар-заря
Ласкала шлемы северян.

Все отшумело... В мирный час
Не чуем мы грядущих бед,
В сонливой памяти угас
Ушедший гул, заросший след.

К чему дорог густую сеть
Прошли мы, плача и смеясь?..
В дыму, в огне гудела медь,
Тлетворным воздухом давясь...

Все отшумело... Мир у ног
Иных кумиров и владык,
А мы вдоль чуждых нам дорог
Бредем, забыв родной язык.

---

*
* *

Зря память цепкая хранит
Былую прелесть дней...
Теперь на розовость ланит
Сошел туман полей...

Все пролетело... Грудь болит...
В плену отец и мать.
Иная жизнь вокруг кипит —
Нельзя ее понять...

У церкви Троицкой сестра
Легла во цвете лет,
А рядом с ней в сырой земле
Застыл любимый дед.

Разграблен хутор весь до тла,
Сожжен курень и баз,
Да за околицей ветла
Шумит в полночный час...

———

* * *

Да, наверно домой не приеду
Поглядеть на моих стариков,
На могилу родному деду
Не принесу степных цветов.

А ведь сколько мечтал и думал
О станицах и хуторах...
И какой это чорт меня сунул
В эту даль от родных папах.

. . . . . .
. . . . . .

Просто все надоело до смерти,
Про левады уж стал забывать.
Ах, друзья мои милые, верьте,
Не хочу я вот тут умирать.

Я давно уж чем то болен...
Не возьму никак в толк.
Разве серый волк в том волен,
Что он любит степь, как волк?..

---

* * *

В небесных далях звездная дорога
К иным мирам указывает путь,
Там у седого, призрачного Бога,
Пожалуй, можно будет отдохнуть.

Земля моя! Моя-ль?... — сомнений ворох...
Я тут лишь мучусь, алчу и ропщу;
С больной душой, с надеждою во взорах
Из плена зла срываюсь и лечу.

Я верить рад — не так тоскливо всюду,
Есть Свет другой, где розовая твердь
Иным огнем в просторы светит чуду
И гонит прочь уродливую смерть.

Не может быть — тогда нет оправданий,
Что жизнь дана для боли и забот;
Есть мир иной, где нет тоски страданий,
Где радость пьет сухой и жадный рот.

———

* * *

Не все равно! Нет, не наполнен счастьем
Ни день, ни час, ни даже миг короткий.
Ах! Все не то... Душа летит на части
И вся дрожит, как белый парус лодки.

Ненасытим и алчен человек
В своей тоске по родине далекой...
Где хутор мой? Где вольный конский бег?
Где скрип возов над выжженной толокой?

Ведь тут все есть: и стол, и кров, и книги,
И тишина задумчивых полей...
Но почему души моей вериги
Меня гнетут все чаще и сильней?..

———

*
* *

Ты выйдешь в ночь, а ночь темна;
В пустыне где то месяц светит,
И вой шакалов тишина
Особой метой в сердце метит.

Ты зорко выглядишь курган,
К нему коня направишь прямо
И через топи и туман
К тебе навстречу выйдет Дама.

В руке копье на-перевес
И на лице ее забрало,
Через поля и хмурый лес
За ней трепещет покрывало.

И конь, послушный воле чар,
За ней пойдет в глухие дали,
Где орды дикие татар
В степях могилы разбросали.

А ты, замолкнув навсегда,
В седле застынешь недвижимо,
И над тобой пройдут года,
Немой толпой неповторимо.

---

* * *

Какая высь, какая уйма света,
Какая даль и синь крутых небес?..
Иль, может быть, мне только снилось это,
Когда попал под этот нудный пресс

Чужих земель, чужой плененной дали,
Где все — ладонь, раскрашенный кусок?..
Не может быть — обманет ведь едва ли
Певца степей заплеванный лесок,

Убогость рек, искусственность угодий,
Бесцветность трав и скованный полет,
Безгласность птиц средь чахлых половодий
И неба низкого сухой и плоский свод.

*
* *

Шумит плотина за окном.
Стучат часы. Весь дом замолк.
В холодном сумраке ночном
Один не сплю, как дикий волк.

Летят года, как снежный ком,
Все наростая и клубясь...
Там где то Русь и синий Дон,
Но с ними порвана уж связь.

Расправить крылья — силы нет...
Все круче лестницы для ног...
Жить в этом мире столько лет!
Как я отважился? Как мог?..

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. СТЕПНЫЕ ПЕСНИ.

II. РУСЬ УШЕДШАЯ.

III. ИЗГНАНЬЕ.

IV. БОЛЬ.

Tiskl Fr. Chudomel — Hostivař.